

«ПОЯС И ПУТЬ»: ПЕРСПЕКТИВЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

© 2019 М. МИХАЛЕВ

DOI: 10.31857/S032150750005564-2

Перспективы внешнеполитической инициативы КНР «Пояс и Путь» в Центральной Азии рассматриваются в контексте понимания региона как особой буферной зоны в центральной части Евразии, нейтрализующей избыточный геополитический потенциал отдельных государств на ее окраинах. Показывается, что нынешний интерес Китая к региону вызван образованием политических и экономических последствий, появившихся здесь после ухода России. Подвергаются анализу возможности и риски, с которыми может столкнуться КНР в ходе реализации своих планов в Центральной Азии.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, «Пояс и Путь», буферные зоны, многовекторность

BELT AND ROAD INITIATIVE: PERSPECTIVES IN CENTRAL ASIA

Maxim S. MIKHALEV, PhD (Law), Post-doc Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (maxmikhalev@yahoo.com)

This article explores risks and opportunities for China's ambitious Belt and Road Initiative in Central Asian Region (CAR) that consists of the ex-Soviet republics of Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Turkmenistan and Tajikistan. As Beijing is actively pushing its new foreign policy agenda here, there is concern growing among the expert community and politicians alike about the superpower's real intentions towards this sensitive region situated in the immediate vicinity of Russian borders. In order to understand the reasons and the possible outcome of China's foray into CAR, author suggests considering this region as a unique buffer zone in the heart of the continent that has its own mission of neutralizing geopolitical potential of the more influential states situated along the rim of Eurasia. After the demise of the Soviet Union that shaped CAR in its current form and impregnated its countries with the common ideology, the dangerous vacuum of power and ideas emerged here at the end of the last century. With all the subsequent efforts of the other major geopolitical players like EU or US to fill this vacuum failing, rising China effectively dragged itself into CAR with its unique agenda of full-scale economic development as a new ideology. Beijing's cautious country-by-country approach, its economic might and the willingness to consider political specifics of the region bring it generally positive responses from the elite circles in Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Turkmenistan and Tajikistan. However, the lack of common cultural background and the widespread distrust of the common people across the region towards Chinese may put Beijing's ambitious goals in CAR at risk.

Keywords: China, Central Asia, Belt and Road Initiative, buffer zones, multiple partner policy

В экспертной среде довольно часто встречается сравнение Центральной Азии с неким метафизическим цивилизационным перекрестком или транзитным коридором, в пределах которого встречаются, сотрудничают или конфликтуют другие геополитические игроки. При этом отрицается его собственная субъектность как полноправного участника международных процессов. Интересно, что многие, в т.ч. местные эксперты также придерживаются подобной точки зрения, низводя родной регион до статуса пассивной прослойки между действительно значимыми участниками исторического процесса.

Думается, что утверждение о том, что Центральная Азия на протяжении всей своей истории лишь реагировала на внешние импульсы, и никогда не являлась генератором смыслов сама по себе, все же неверно*. Впрочем, даже если принять на какое-то время эту весьма спорную точку зрения, все же не стоит забывать и о том, что любая буферная зона, любой перекресток или коридор

не есть что-то абсолютно пассивное и безмолвное.

Подобные промежуточные территории действительно нельзя рассматривать как отдельные «комнаты» общечеловеческого дома, населенные устоявшимися цивилизациями, обладающими набором характерных и неизменных признаков. Однако при этом не стоит забывать и о том, что положение «коридора» ни в коей мере не подразумевает, что у народов, населяющих подобные территории, полностью отсутствует своя, специфичная цивилизационная идентичность или то, что таковая является простой совокупностью результатов бесконечных внешних влияний.

«Коридоры» не являются пустотами в истинном смысле этого слова. Скорее, они просто отличны по своей природе и по своим функциям от отдельных «комнат», и их развитие протекает по несколько иной траектории и в соответствии с несколько иными закономерностями. Более того, зачастую внутренняя динамика развития этих не-

МИХАЛЕВ Максим Сергеевич, кандидат юридических наук, докторант Центра азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН. РФ, 119991, Москва, Ленинский проспект, д. 32а (maxmikhalev@yahoo.com)

* Достаточно в этой связи вспомнить, например, Кушанское царство или Древний Хорезм (прим. авт.).

спокойных «коридоров» определяет векторы развития тех самых отгороженных цивилизационных «комнат», что их, как тем кажется, порождают.

Это связано с тем, что ситуация на границах и в зонах соприкосновения с интересами соседей вынуждает страны и цивилизации сталкиваться или сотрудничать, а это, в свою очередь, оказывает прямое и непосредственное влияние и на их собственную внутреннюю повестку дня. В результате, даже самые незначительные импульсы, которые в обычных условиях не способны привести к каким-либо серьезным последствиям, могут приобретать невероятную силу по мере того, как они движутся вдоль границ.

Стоит отдельно отметить: у любой из транзитных зон существует своя особенная идентичность и свое уникальное предназначение. Что касается Центрально-Азиатского региона (ЦАР), включающий в себя Казахстан и еще четыре бывшие союзные республики Средней Азии (Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан), занимаемое им положение в самом сердце глобального континента всегда предполагало, что государства, существующие на южной, северной, западной или восточной периферии Евразии, в случае резкой интенсификации своего внутреннего роста и проистекающей от этого потребности в экспансии, необходимо претендовало на контроль над геополитическими ресурсами данного региона.

За Афганистаном прочно закрепилось прозвище «кладбище империй», однако представляется, что подобный эпитет был бы уместен и для описания всего обширного пространства Центральной Азии. Именно сюда в пиковые моменты неконтролируемого роста стремились перегреть цивилизации континента, и именно здесь они потихоньку остывали, растрачивая свою избыточную энергию в бесплодной борьбе за безжалостные пустыни и необитаемые перевалы географического центра континента.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ: ЭПОХА СРАЖАЮЩИХСЯ ЦАРСТВ

Несмотря на то, что большинством экспертов по Центральной Азии принято критиковать резкий уход России из региона, последовавший сразу же за распадом СССР, представляется, что этот шаг был необходимым.

В том случае, если бы ослабевшее, дезорганизованное и лишенное национальной идеи российское государство стало бы цепляться за ту географически масштабную, политически нестабильную и культурно гетерогенную территорию с массой нерешенных проблем, что представляла собой в тот момент Центральная Азия, метафора «кладбище империй» могла превратиться для России в реальность.

Нужно честно признать, что у правопреемницы Советского Союза решение «сжаться» и уйти на время из региона, предоставив государствам ЦАР

самостоятельно выживать в условиях кризиса государственности и коллапса плановой экономики, было полностью оправданным.

То, что происходило в ЦАР в период с 1991 по 2013 гг., т.е. с момента распада СССР и до объявления Китаем намерений запустить свой геополитический гранд-проект «Пояс и Путь», было подробно описано в многочисленных работах, посвященных новейшей истории Центральной Азии [2]. Однако представляется, что было бы не лишним еще раз вспомнить и проанализировать этот непростой для ЦАР исторический период и попытаться понять причины громких неудач практически всех внешних игроков, пытавшихся своими проектами будущего восполнить для стран региона утрату Советского Союза.

Говоря о политике постсоветских государств Центральной Азии в период 1991-2013 гг., обычно упоминают «многовекторность». Под этим словом, как правило, подразумевается, что все это время страны региона настойчиво, целенаправленно и не всегда корректно маневрировали между великими державами, пытаясь добиться от них тех или иных экономических или политических преференций. Одни оценивают такую политику, в основном, негативно, другие утверждают, что «многовекторность» является врожденным качеством любых режимов Центральной Азии [1, с. 39].

При этом никто из этих «поставщиков» цивилизационных решений не обладает достаточно привлекательным комплексным предложением или достаточно агрессивной политикой для того, чтобы, устранив остальных конкурентов, занять в ЦАР монопольное положение, как это смогла в свое время сделать Российская империя, а чуть позже Советский Союз. В таких условиях, а именно при наличии многочисленных, но при этом недостаточно привлекательных предложений, торг оказывается неизбежным, и именно этот торг в наше время и считается «многовекторностью».

Что же касается того, что именно предлагалось в последнее время и предлагается сейчас, имеет смысл разделить всех «вендоров» и их «товары» на две большие группы.

Первую группу составят те, кто присутствует на рынке со своими идеологическими «скрепами», в комплексе с которыми идут экономические «инструменты» для их должной установки; во вторую же попадут те, кто специализируется на поставках «систем безопасности» и их силовом внедрении.

Другими словами, речь идет об адептах «мягкой» и «жесткой» силы, соответственно. При этом стоит отметить, что до сих пор ни один из глобальных «поставщиков» не смог предложить странам региона оба типа «товара» вместе, в одном удобном для них наборе. В свою очередь, это является одной из причин того, что государства Центральной Азии за время, прошедшее с момента распада СССР в 1991 г., так до конца и не определились со своим новым геополитическим выбором.

Говоря о «системах безопасности», стоит упомянуть о том, что, по мнению ряда экспертов, действительно крупными игроками, готовыми и способными взять на себя ответственность за состояние дел в регионе, являются Россия и США. Интересно, что в 90-х гг. XX в. обе страны старались по возможности избегать своего непосредственного вовлечения в проблемы безопасности в ЦАР.

Однако геополитическое соперничество между ними резко обострилось после известных событий 2001 г. Именно в то время в Центральной Азии появились первые военные базы США, и именно с тех пор эта страна стала примерять на себя здесь миссию «менеджера по безопасности», как предложил называть эту новую роль американский политолог Ю.Румер [4]. Надо заметить, что утверждение США в роли лидирующей державы в ЦАР, неизбежность чего практически не подвергалась сомнению в те годы, так и не стало геополитической реальностью.

К такому итогу, в частности, привела разнотипная внутренняя динамика развития двух государств, претендующих на военное превосходство в самом центре Евразии. В то время как Россия в начале XXI в. переживала определенный подъем и неизбежно стремилась к проекции его результатов за пределы своих границ, в США обострился синдром имперского перенапряжения, который стал серьезно мешать этой стране вести ожесточенную борьбу за превосходство на всех мировых фронтах одновременно. По этой причине, по мере общего упадка имперских сил в США, в Центральной Азии наблюдается медленное, но постоянное смещение баланса сил в пользу России.

Необходимо отметить, что ни Россия, ни США в настоящее время, по большому счету, не вкладывают ресурсы в идеологическое противостояние, как это происходило, к примеру, во времена холодной войны. В новой «битве смыслов» на полях Центральной Азии сошлись совсем другие игроки – европейский либерализм и исламский фундаментализм. В связи с этим выглядит вполне естественным, что именно Европейский Союз (ЕС) попытался заполнить идеологический вакуум, образовавшийся вслед за распадом СССР в самом центре Евразии, за благоденствие которой европейские политики того смутного времени чувствовали ответственность, чем-то схожую с миссионерской.

Как подчеркивают уже в наши дни многие эксперты по региону, в результате усилий тех лет именно европейская политика в ЦАР оказалась, в итоге, самой продуманной, самой последовательной... и, в то же самое время, самой неудачной [5].

Одной из причин провала стала удивительная одержимость европейцев в вопросе нормативных ценностей, когда экономические и даже политические интересы приносились в жертву агрессивным планам по насаждению своей собственной, крайне противоречивой картины мира. В силу внутренних особенностей социально-политичес-

кого устройства и непростой истории стран ЦАР, а также по причине идеологического наследия, доставшегося им от Советского Союза, попытки насадить здесь чуждую систему ценностей, по большому счету, были обречены на неудачу.

До той поры, пока у Брюсселя хватало экономического и геополитического потенциала подкреплять свои идеологические эскапады значительными финансовыми вливаниями, элиты Центральной Азии старательно делали вид, что были готовы принять к сведению их пожелания в отношении «демократии» и «соблюдения прав человека». Однако по мере того как сами страны Европы погружались во все более глубокий и многогранный внутренний кризис и не могли больше оказывать экономическую помощь в прежнем объеме, привлекательность европейской модели в регионе стала стремительно приближаться к нулевой отметке.

Важно отметить при этом, что параллельно угасанию европейского идеологического влияния в ЦАР стало расти влияние исламское, которое в настоящее время выступает его основной альтернативой. В то же время было бы не совсем корректным резко противопоставлять радикальность европейского секуляризма и радикальную же религиозность таких стран, как Иран или Пакистан, в конкретных условиях Центральной Азии они, как правило, действительно выступают антагонистами. Антагонистами, которые не только уравнивают друг друга, но и не позволяют противнику одержать полную идеологическую победу. Как итог, говорить о безоговорочном успехе, к примеру, политического ислама в Центральной Азии не представляется возможным.

При этом довольно существенным влиянием в регионе пользовалась и до сих пор пользуется Турция, которой в свое время удалось достаточно успешно реализовать европейскую, светскую модель социально-экономического развития, не потеряв в ходе этого проекта своей исламской идентичности.

Учитывая этническую и языковую близость народов Центральной Азии и Турции, постоянное акцентирование этого факта со стороны последней, а также значительные символические, политические и экономические ресурсы, направляемые турками на реализацию своего геополитического проекта в регионе, можно было ожидать, что именно им удастся предложить его населению самый приемлемый проект будущего.

Турция действительно достигла в Центральной Азии несколько большего идеологического влияния, чем этого смогли добиться, скажем, ЕС или Иран. Однако по мере того как экспансионистский потенциал самой Турции начал иссякать, ее влияние в Центральной Азии стало с неизбежностью ослабевать.

Можно сказать, что именно одновременный отход с завоеванных идеологических и экономических позиций Турции и Европейского Союза, к тому времени погрязших в собственных пробле-

мах и не способных более обеспечить своим геополитическим инициативам достаточную финансовую и организационную поддержку, обеспечил оперативное пространство для продвижения в регионе интересов для других стран, и, прежде всего, Китая.

На самом деле, КНР, которая официально не преследует в регионе никаких военно-политических целей, довольствуясь координацией антитеррористической деятельности в рамках ШОС, никогда не вступала и не вступает в противостояние по линии «жесткой силы» с Россией или США. Китай идет в Центральную Азию с прагматической экономической программой, в которую при этом вплетена его собственная самобытная идеология развития, выдаваемая за «мягкую силу».

В этом контексте запуск в ЦАР «Пояса и Пути» можно рассматривать как тщательно спланированный вызов именно Турции и ЕС. При этом важным отличием в программах этих внешних по отношению к региону игроков является то, что Китай не настаивает на идеологической лояльности, как это делает, к примеру, Европейский Союз, и не примеряет на себя, в отличие от Турции, роль старшего брата, настойчиво подчеркивая, что речь идет сугубо об экономическом сотрудничестве.

Именно экономика позиционируется в качестве альфы и омеги всей «мягкой силы» Китая. Так ли это на самом деле, каковы истинные мотивы новой политики КНР в ЦАР, каким образом неизбежная геополитическая логика привела китайцев в этот непростой регион, и что из этого может получиться, принимая во внимание историю взаимоотношений Китая со странами Центральной Азии?

КИТАЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВЫНУЖДЕННАЯ ЭКСПАНСИЯ

В течение довольно продолжительного времени в реализации своей внешней политики Китай руководствовался наказами архитектора реформ Дэна Сяопина, который завещал руководству страны «держаться в тени» на мировой арене и концентрироваться на строительстве эффективной экономики и налаживании государственного управления внутри страны. Надо признать, что подобная, строго интровертная политика позволила КНР за довольно небольшой по историческим меркам срок достичь впечатляющих экономических результатов. Китай, отрешившись от глобальных проблем, до поры до времени действительно не предпринимал никаких серьезных действий, чтобы спроецировать свою вновь обретенную экономическую мощь вовне и громко заявить о себе как о серьезном геополитическом игроке.

В качестве примера как раз можно привести политику КНР в Центральной Азии, которая, как полагали многие эксперты в самом регионе и за его пределами, вслед за дезинтеграцией СССР должна была непременно стать объектом международной экспансии Китая. Этого, однако, не произошло в течение довольно длительного времени.

На протяжении 1990-х гг. Китай просто присматривался к новым независимым государствам региона, поддерживая с ними необходимый уровень отношений и довольно осторожно продвигая здесь свои интересы [6]. Единственным реальным достижением Китая за то время стал вопрос о границах, который китайской дипломатии удалось решить во многом в свою пользу.

Во всем остальном КНР предпочитала оглядываться на Россию, стараясь лишний раз не раздражать северного соседа. Ситуация изменилась лишь в первом десятилетии XXI в. Подтверждение наличия существенных запасов углеводородов в Центральной Азии и рост потребности в них со стороны быстро растущей промышленности КНР привели к тому, что экономическое сотрудничество, а в особенности его энергетическая составляющая, резко интенсифицировалось и стало доминантной темой в отношениях Китая со странами региона.

Поднебесная постепенно становилась основным инвестором и основным торговым партнером для всех государств ЦАР, при этом все так же не придавая большого значения военно-стратегическому и политическому сотрудничеству, которое было отдано на откуп созданной в 2001 г. ШОС*.

Эта стратегия была, однако, коренным образом пересмотрена в начале десятилетия годов нашего столетия, когда Китай, ведомый новым поколением руководителей, заявил о своих планах стать по настоящему глобальной державой.

Символично, что о запуске стратегии «Пояс и Путь», которая и концептуализовала эту новую, экстравертивную внешнеполитическую парадигму Китая, председателем Си было объявлено 7 сентября 2013 г. именно в столице Казахстана Астане. Не вызывает сомнения, что это должно было подчеркнуть особую важность Центрально-Азиатского региона для Китая в контексте его планов становления в качестве глобальной державы. Причиной столь резкой смены политики КНР, в целом, и особого внимания к Центральной Азии, в частности, явилось сочетание внутренних и внешних для Китая факторов, которые и предопределили его новый «великий поход на Запад».

В этой связи, как правило, напоминают о диспропорции в развитии его отдельных регионов и, в частности, более низкий уровень развития в граничащем со странами ЦАР Синьцзян-Уйгурском автономном районе; избыточных производствен-

* Как пишет об этом один из влиятельных экспертов по ЦАР в Китае Ли Синь: «Оказавшаяся в сфере влияния крупных держав, Центральная Азия позволяет Китаю избегать прямой конфронтации с другими силами и представляет собой внешнее пространство с географическими барьерами, необходимыми для безопасности и стабильности Синьцзяна и всей западной части Китая...» [7].

ных мощностях КНР; потребности Китая в диверсификации поставок углеводородов для нужд его быстро растущей промышленности; необходимости альтернативных транзитных путей доставки китайских товаров в Европу на случай морской блокады; потребности в успешном функционировании дружественных режимов в стратегическом тылу Китая и о некоторых других причинах.

Стоит, однако, обратить внимание на тот факт, что все эти проблемы были актуальны и пять, и десять, и даже пятнадцать лет назад, но при этом их наличие не приводило к таким тектоническим сдвигам во внешней политике КНР, как это происходит сейчас. Скорее, в данном случае речь должна идти о переходе количественных изменений в качественные*.

Можно сказать, что в настоящее время наблюдается та самая ситуация цивилизационного перегрева на периферии Евразии, которая на протяжении многих веков неизбежно затрагивала Центральную Азию и превращала ее в поле чьих-то смелых инициатив.

У самого Китая, как и у его предшественников, не остается другого выхода, как выходить из своих, ставших к настоящему времени слишком тесными, границ и заполнять собой временно оставленные другими мировыми державами пространства Центральной Азии. Именно в этой связи стоит вновь вспомнить о том, что напрямую конкурирующие с ним экономические и идеологические проекты, предлагаемые Турцией и ЕС, испытывают серьезные проблемы и постепенно свертывают свою активность в регионе.

Китай оказывается в положении страны, которая текущим раскладом сил вынуждена заполнять своей энергией временную пустоту в *центре* континента, пытаясь превратить его в свою собственную *периферию*.

Последним внешним игроком, который пытался выполнить эту непростую задачу, был Советский Союз. Станет ли более успешной анонсированная попытка Китая преодолеть извечное проклятие бескрайнего «кладбища империй» в сердце Евразии? Что именно он может в этой связи предложить и с какими вызовами будет вынужден столкнуться?

Прежде всего, бросается в глаза, что, в отличие от остальных претендентов на геополитическое влияние в Центральной Азии, Китай выступает здесь в качестве правопреемника Советского Союза, а не в качестве его ниспровергателя, и это способно значительно облегчить ему проникновение в регион.

Действительно, КНР полностью признает и право на существование порядков и системы в том виде, какими они были сформированы в советские времена, и ту идеологию, которую СССР успешно привил на местной почве. Немаловажно и то, что китайцы принимают и уважают местную политическую специфику, выражающуюся в переплетении клановых интересов и существовании надкланового лидера, который эти интересы мастерски балансирует, выступая верховным арбитром и главной консолидирующей силой нации.

При этом китайцы научились достаточно эффективно продвигать в подобных условиях свои собственные интересы. Безусловно, связано это с тем, что подобная политическая модель близка им самим, она понятна и предсказуема и не вызывает у китайцев того резкого идеологического отторжения, которое свойственно, к примеру, политикам из Европейского Союза.

Наконец, и это является довольно важным, КНР предлагает региону модель развития, доказавшую свою эффективность в специфических азиатских условиях, не перегружает свое предложение политическими условиями и требованиями лояльности, и при этом готова оказать всестороннюю помощь, в т.ч. и финансовую, для ее успешного внедрения странами Центральной Азии.

Еще одним важным отличием Китая от других поставщиков цивилизационных решений является то, что он уважает и признает сложившиеся в ЦАР региональные различия и принимает во внимание существование уникальной версии национализма в каждой из стран Центральной Азии. Пекин, в отличие от Брюсселя, пытавшегося сконструировать регион заново, по своему образу и подобию, и иметь дело с ЦАР как единым геополитическим субъектом, предпочитает двусторонние договоренности с каждой из стран, его составляющих, и предлагает смоделированную под нужды каждого партнера индивидуальную дипломатию.

Культурная и мировоззренческая пропасть между жителями Центральной Азии и китайцами столь велика, что постоянно ставит в тупик и тех, и других по мере того, как они пытаются нащупать культурно-историческую основу для неизбежного в текущей ситуации экономического сближения**.

Более того, невозможно отрицать факт и бытования в регионе синофобии. Общественное мнение всех стран региона негативно настроено ко всему «китайскому», и малейшее неосторожное действие или даже слово со стороны Китая способно вызвать здесь протесты***.

* Как отмечают в этой связи российские эксперты: «В рамках инициативы «Шелкового пути» китайское руководство попытается создать в Евразии большую международно-экономическую «нишу», куда можно будет «вкладывать» практически все проекты, планируемые во внешнеполитической и внешнеэкономической сферах КНР, – от транспортных до гуманитарных и туристических» [8, с. 34] (прим. авт.).

** Примечательно, что в свое время нынешний генеральный секретарь ШОС Р.Алимов с сожалением отмечал, что «взаимодействие в области культуры между Китаем и странами ЦА, в сравнении с динамично развивающимся сотрудничеством в торгово-экономической сфере, напоминает затерявшийся ручеек на фоне бурной горной реки, стремительно несущей свои воды в весеннюю пору» [9, с. 80] (прим. авт.).

*** Этот иррациональный страх перед Китаем хорошо сформулировал эксперт из Кыргызстана Суюмбаев, который предположил, что «вовлечение... в сферу Китая сулит исчезновением в его человеческом океане» [10, с. 143] (прим. авт.).

Усугубляет ситуацию и то, что в регионе практически отсутствует понимание Китая и китайской культуры. Стремление к овладению китайским языком также вряд ли можно признать массовым, несмотря на все экономические выгоды, что тот приносит с собой.

С другой стороны, знание китайцев о Центральной Азии так же фрагментарно и настолько же насыщено предрассудками, которые, по всей видимости, являются внешней проекцией их предрассудков в отношении национальных меньшинств в самом Китае. Четкого представления о реалиях соседнего с КНР обширного региона, о его древней культуре, о религии и истории Центральной Азии, а также об особенностях жизненного уклада местных жителей недостаточно в Китае даже в экспертной среде, и это отмечают сами китайцы [11].

Жителям региона, чье мировоззрение во многом сформировано суфийским направлением в исламе, логика китайской цивилизации вряд ли способна всерьез завоевать их сердца. Поэтому перспективы ближайшего сотрудничества Китая и стран ЦАР зависят, прежде всего, от экономической составляющей проекта.

* * *

В ситуации, когда ЦАР может бесследно «освоить» сколь угодно большие финансовые вложения, не трансформировавшись в результате, шансы Китая на глубокое переформатирование регионального ландшафта с целью обеспечения своего долгосрочного здесь присутствия выглядят не слишком высокими.

В значительно ином положении находится в Центральной Азии Россия. Экономические интересы, как и в прежние времена, играют большую роль. Но не только они. Вот что пишет об этом один из авторов и ответственный редактор монографии «Постсоветская Центральная Азия» А.М.Васильев: «Те же силы притяжения действуют и в области науки, образования, частично культуры. Задачи общей безопасности охраны границ, недопущения гражданских войн заставляют сотрудничать Россию и бывшие союзные республики... Сохранение окружающей среды, борьба с терроризмом и торговлей наркотиками, поддержание сети транспорта и связи – перечень общих интересов, которые делают сотрудничество необходимым, слишком велик, чтобы его продолжать» [12].

Список литературы / References

1. Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия // Наследие Евразии. МГИМО, 2008. (Kazancev A.A. 2008. "Great Game" with unknown rules: World politics and Central Asia. M.) (In Russ.)
2. Малышева Д.Б. Центральнoазиатский узел мировой политики. М., ИМЭМО РАН, 2010. (Malysheva D.B. 2010. Central Asian knot of world politics. M.) (In Russ.)
3. Омаров Н. Влияние региональных центров силы на Центральную Азию: конфликт интересов - сотрудничество идей - конфликт стратегий? // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 1, с. 30-40. (Omarov N. 2008. The influence of regional power centers on Central Asia: the conflict of interests // Central Asia and Caucasus. № 1) (In Russ.)
4. Rumer E., Trenin D., Zhao Huasheng. Central Asia: Views Washington, Moscow and Beijing. With an Introduction by R. Menon. Armonk, New York, London: M.E. Sharpe, 2007.
5. Warkotsch A. Die Zentralasiatische Politik der Europäischen Union: Interessen, Strukturen und Reformoptionen. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 2006.
6. Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А. Внешняя политика Китая в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2010. № 4. С. 74-89. (Paramonov V.V., Strokov A.V., Stolpovskiy O.A. 2010. China's foreign policy in Central Asia // Central Asia and Caucasus. № 4) (In Russ.)
7. Ли Синь. Экономические интересы России и Китая в Центральной Азии: сравнительный анализ // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 5. Экономика. 2012. № 3. С. 65. (Li Xin. 2012. Economic interests of China and Russia in Central Asia: Comparative analysis // Saint-Petersburg University Bulletin. Series 5. Economics. № 3) (In Russ.)
8. Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии // Рабочая тетрадь РСМД. № 28 / Под ред. И.С.Иванова. 2016. (Ivanov I.S. (ed.) 2016. Perspectives of Russia and China co-operation in Central Asia. Working paper of RSMD/ № 28) (In Russ.)
9. Алимов Р.К. К вопросу о формировании «Экономического коридора Шелкового пути»: состояние, проблемы и перспективы // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2013. № 16, с. 76-83. (Alimov R.K. 2013. On "Economic belt of Silk road" formation: current state, problems and perspectives // MIR (Modernization, Innovations, Development). № 16) (In Russ.)
10. Суюмбаев М. Геополитические особенности Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 1, с. 137-143. (Suyumbaev M. 2005. Geopolitical features of Kyrgyzstan // Central Asia and Caucasus. № 1) (In Russ.)
11. Yuan Jian. Perception of Central Asia in the view of Belt and Road knowledge - Thoughts of periphery, border land and foreign land connectivity // Bulletin of Northern Minorities University (Philosophy and social science series). 2016. № 2, pp. 33-37 (In Chin.)
12. Васильев А.М. Постсоветская Центральная Азия. Центр цивилизационных и региональных исследований РАН при участии института Африки РАН. М., 1998. с. 34. (Vasiliev A.M. 1998. Postsoviet Central Asia. M.).